

хвастливого покровителя наук, но завистника и гонителя великих дарований» (I, 454—455). Кроме критерия пользы писатель выдвигает другой, еще более важный — нравственный критерий оценки исторической личности. Петр предстает как идеальный государь, потому что он не только замечательный политик, но и человек, обладающий высокими моральными достоинствами. В этой связи вполне закономерно, что в 1798 г. у Карамзина появляется замысел написать «Похвальную речь Петру I».²⁷ Позднее, как известно, писатель изменил свое отношение к деятельности Петра, что ярко проявилось в «Записке о древней и новой России» (1811).

Поворотный момент в отношении к Петру К. Биттнер связывает с воздействием на Карамзина идей Гердера, его представлений о национальном характере. С этим положением можно согласиться, однако, лишь с серьезными оговорками. Как мы видели, Карамзин значительно раньше воспринял многое из гердеровской концепции истории. Мысль о ценности самобытной национальной культуры зародилась у Карамзина уже давно, в период «Московского журнала». Но в пересмотре традиционной трактовки Петра Карамзину препятствовало несколько очень серьезных обстоятельств: во-первых, сильное влияние традиции русского Просвещения, неразрывно связывавшего с Петром представление о прогрессе в истории русской нации; во-вторых, сам Петр для Карамзина, автора «Писем», — это национальный герой, соотечественник писателя: образ Петра — символ России, к которой мысленно все время обращается путешественник, наблюдающий жизнь европейских стран.

Резкое изменение отношения Карамзина к Петру при всей своей неожиданности было подготовлено исподволь и, разумеется, не только идеями Гердера и других европейских мыслителей, но прежде всего событиями современности. Просветительская уверенность в прямолинейно-поступательном движении истории оказалась серьезно поколебленной революционными событиями во Франции.

В «Письмах», опубликованных в «Московском журнале», есть уже косвенные отклики на события французской революции. Составляя эти отклики с рецензиями и другими материалами карамзинского издания, исследователи показали, что отношение писателя к французской революции было во многом сочувственным и, безусловно, далеким от официальной реакции.

Перелом наступил, когда до Карамзина дошли известия о якобинской диктатуре (июнь—июль 1793 г.).²⁸ Мысль о возможной гибели современной цивилизации, высказанная в «Московском журнале» еще как некое отвлеченное философское рассуждение, с 1793 г. приобретает для Карамзина трагический смысл.

²⁷ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 102.

²⁸ См.: Макогоненко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX веке, с. 78—79.